

Наука и идеология

Продолжаем дискуссию, начатую в № 1 нашего журнала за этот год. Некоторые ее участники придерживаются мнения, получившего в последнее время определенное распространение, что любая идеология не может быть научной, наука и идеология — антиподы. В этом случае, естественно, проблема взаимоотношения идеологии и науки, идеологии и практики сводится, главным образом, к вопросу об их размежевании. С этой точки зрения выражает несогласие доктор исторических наук Владимир СОГРИН, показывая, что история дает критерий для отличения ложных идеологий, идеологий-утопий от тех, которые отвечают общественным потребностям и носят научный характер.

По мнению же ведущего научного сотрудника Института философии АН СССР доктора философских наук Вадима МЕЖУЕВА, идеология должна отказаться от своих теоретических иллюзий и властных притязаний. Основанием для такого вывода является убеждение, что идеология эволюционирует от группового сознания к позициям, для которых характерно размывание традиционных политических и классовых ориентиров. Но в отличие от тех участников дискуссии (В. Ильин, В. Алтухов, № 2), кто этот процесс связывает с усилением в составе идеологии общечеловеческих ценностей и соответствующим ее обновлением (эта проблема в критическом плане рассматривается в статье В. Согрина), В. Межуев утверждает, что здесь движение происходит в ином направлении — к "омассовлению" идеологий, повороту их к чисто личностным и индивидуальным вопросам существования людей. Идеологии такого типа, по его мнению, носят в каком-то смысле больше мифотворческий, нежели теоретический характер. К этой точке зрения в определенных аспектах близка позиция В. Федотовой (№ 3).

Таким образом, дискуссия, по-видимому, вступает в наиболее острую, критическую стадию. Достаточно доказать, что именно выявленное В. Межуевым направление в развитии идеологий имеет приоритетное значение, и позиция В. Согрина, а также приверженцев "новой идеологии" сталкивается с серьезными контраргументами.

Но возможно и другое: общественное бытие и его изменения настолько сложны, что ни одно из обозначенных направлений не может претендовать на универсальность или приоритетность. Каждое из них является таковым лишь для «своего мира» — для определенного измерения (среза, ниши, картины) общественного бытия. В таком случае задача заключается в том, чтобы тонко развести критические стрелы спорящих сторон и рассматривать их аргументы как взаимно дополнительные. Правда, в этом случае остается открытым вопрос: а равнозначны ли сами эти «измерения» между собой? — вопрос, который (в иной форме) весьма остро ставится в статье В. Федотовой.

Сочетание несочетаемого

Различие между понятиями «идеология» и «наука» обусловлено в первую очередь различием в подходах к исследованию общественного сознания. Если понятие науки выработывалось преимущественно в рамках логико-гносеологического знания (в содержание логики входит, по словам Гегеля, "само понятие науки, причем это понятие составляет ее конечный результат..."¹), то идеология — это не логическая и гносеологическая, а социологическая категория, возникшая вследствие перенесения методов анализа социальной (прежде всего классовой) структуры общества на сознание.

Общественное разделение людей на классы, слои, группы, профессии, национальные общности и т. д. приводит и к разделению их сознания, которое затем средствами «знания» оформляется в соответствующую идеологию. Разделенное, или групповое, сознание, служащее общей основой возникновения идеологии, противостоит в этом смысле всеобщему, или научному, знанию, свободному от разделяющих его социальных и национальных границ и подчиняющемуся лишь критериям опытной достоверности и логической выводимости. Выражаясь традиционным для нас языком, идеология отличается от науки как классовое сознание от сознания вне- или бесклассового.

Различие между наукой и идеологией можно выводить также из различия между знанием и сознанием. Знание тоже есть сознание, но если о первом мы судим по его отношению к своему предмету, то о втором — по его связи с общественным бытием людей, с характером и типом их социализации. Знание может быть истинным или ложным (соответствующим или не соответствующим предмету), сознание же всегда бытийственно, т. е. включено прямо или косвенно в человеческий жизненный процесс, в различные виды группового общения и взаимодействия. Даже при наличии в обществе максимально истинного на данный момент знания люди в своем большинстве могут жить,

ориентируясь на сознание, далекое от всякой научности. И в «век науки» можно верить в «нечистую силу», в предсказания и пророчества, в утопические цели и идеалы. И попробуйте доказать, что истины науки превосходят те «истины», которых они придерживаются в своей повседневной жизни и которые внушены им «свыше» или окружающей средой. Первые, может быть, и «истиннее», зато с последними жить легче. И если вопреки всем доводам науки люди никак не могут расстаться со своими иллюзиями, предрассудками, заблуждениями, то причина этого заключена не в слабости научных доказательств, а в общественном бытии людей с его коллизиями и противоречиями. Соотнося сознание людей с их бытием (связь, о которой сами люди могут и не догадываться), социальная наука и открывает для себя идеологию.

Стремясь понять поведение людей в обществе, социальная наука обращается не к тому, что они думают о себе и о мире, что фиксируется в терминах их группового языка и мышления, а к неосознаваемым ими областям реальности, детерминирующим их образ жизни и способ деятельности, к тому, что К. Мангейм называл «коллективным бессознательным». Но тем самым социальная наука ставит коллективное сознание людей в группах под подозрение, подвергает сомнению его способность истинно, адекватно отражать реальное положение дел в обществе. На этом пути и возникает понятие «идеология». В слове «идеология», — пишет К. Мангейм, — имплицитно содержится понимание того, что в определенных ситуациях коллективное бессознательное определенных групп скрывает действительное состояние общества как от себя, так и от других и тем самым стабилизирует его»². И в той мере, в какой это групповое сознание оказывается разоблаченным, фальсифицированным перед лицом действительности, оно получает название идеологии.

Не менее важной стороной той же проблемы является вопрос об отношении ин-

¹ Гегель. Наука логики. Т. I. М., 1970, с. 95.

² Макгейм К. Идеология и утопия. Ч. I. М., 1976, с. 52—53.

дивида к сознанию как своей, так и чужой группы. Обычно именно сознание чужой группы (тем более, если она является политическим противником) люди склонны оценивать как идеологию (т. е. как групповое сознание), тогда как идеологичность собственного мышления (его групповой характер) остается для них, как правило, скрытой и непроясненной. Каждый из нас как бы находится в плену у собственного мышления, не подвергая его ни критике, ни сомнению. Однако по мере уяснения наиболее трезво мыслящими интеллектуалами идеологичности любого, в том числе и своего, сознания, зависимость от идеологии начинает восприниматься как общий удел каждого индивида, коль скоро он включен в общественные структуры. Подобная зависимость детерминирована принадлежностью индивида к определенной социальной группе — принадлежностью, которая сама по себе никак не является следствием его свободного выбора к существованию как бы помимо него. Не будучи волен в выборе своей группы, индивид не волен по этой логике и в своем сознании, а значит, и в выборе соответствующей этому сознанию идеологии. Мыслит не индивид, а группа (точнее, те, кто ее представляет на уровне мысли), из чего следует, что идеология противостоит не только всеобщему (научному), но и индивидуальному сознанию, как бы лишая каждого из нас права на самостоятельную мысль.

Здесь исток неприятия идеологии со стороны некоторых интеллектуальных слоев общества (особенно ученых и художников), ее критики и даже полного отрицания. С одной стороны, идеологию обвиняют в ненаучности, в ложном истолковании действительности под воздействием группового эгоизма и классового интереса. Для многих ученых она стала синонимом ложного сознания, выдающего особый интерес за всеобщий и придающего частному мнению видимость науки. С другой стороны, в ней видят реальную угрозу духовной и интеллектуальной свободе отдельного индивида, орудие власти над ним чуждых ему идей, своеобразную диктатуру коллективно-группового, классово-обезличенного сознания над сознанием индивидуальным. В этом случае идеология предстает как отчужденное от индивида (господствующее над ним) сознание, что является прямым следствием

отчуждения его труда и общественных отношений. Обе эти претензии к идеологии не лишены основания, если исходить из прямой зависимости сознания людей от их общественного бытия. Так понимал эту проблему и Маркс, войдя в историю мысли как один из первых критиков и ниспровергателей идеологии.

По иронии истории, учение Маркса, направленное против всяческой идеологии, было истолковано в XX в. как идеология по преимуществу, хотя и с добавлением эпитета «научная». Для самого Маркса подобное словосочетание — «научная идеология» — было столь же неприемлемым, как и выражения типа «народное государство», «казарменный коммунизм» или «социалистическая частная собственность». По смыслу его теории, идеология действительно несовместима с наукой, поскольку, будучи классовым сознанием, не обладает достоинством всеобщего знания. Что же в таком случае предопределило неудачу этой, может быть главной, претензии марксизма — быть не идеологией, а наукой?

Причина заключена, несомненно, в самом марксизме, поставившем своей целью сочетать несочетаемое — научность и классовость, желание быть всеобщим знанием и одновременно выражением классовых интересов пролетариата. Правда, в представлении Маркса особенностью пролетариата как класса является его всемирно-историческая всеобщность, как бы заключающая в себе прообраз будущего человечества. Поэтому и сознание пролетариата, по этой логике, является уже не групповым, а всеобщим, или научным. Однако такое представление само оказалось не более, чем идеологической иллюзией. Рабочее движение и в наши дни не обнаружило сколько-нибудь отчетливой тенденции к объединению во всемирном масштабе, локализуясь по отдельным странам и народам. Даже количественно рабочих трудно сегодня уподобить всеобщему классу, чьи интересы совпадают непосредственно с интересами всего общества. По мере того как представление о всемирно-исторической миссии пролетариата, его авангардной роли в истории выявило свою идеологическую предвзятость, становилась очевидной и несостоятельность претензии марксизма на полное преодоление идеологии. Впоследствии «верные марксисты», в том числе и наши отечественные, которые никак не

хотели расстаться с этой иллюзией, довершили процесс превращения марксизма из науки в идеологию, причем часто за счет искажения и забвения даже тех элементов научности, которые в нем содержались.

В начале нашего века В. Ленин пришел к выводу, что рабочие своими силами не могут выработать правильное, т. е. марксистское, понимание своих интересов и поэтому сознание рабочего класса должно вноситься в него со стороны, извне. «Внесение сознания в рабочее движение» обернулось затем его насильственным навязыванием, причем всеми доступными власти средствами, в том числе и репрессивными. Круг, что называется, замкнулся: учение, противопоставлявшее себя при своем возникновении любой идеологии, стало орудием идеологического насилия над людьми.

На примере марксизма можно отчетливо проследить механизм функционирования классового (группового) сознания в качестве идеологии. Такое сознание обращено прежде всего не к отдельным индивидам, а к классу (группе) в целом. Оно не учитывает индивидуальных различий между людьми, образующими данный класс, а любое индивидуальное отклонение от общегрупповых стандартов поведения и мышления либо вообще игнорирует, либо квалифицирует чуть ли не как измену общему делу. Во всех своих разновидностях групповое сознание требует от индивида как бы отказа от себя, личного самоотречения. В этом смысле оно внутренне тяготеет к власти над людьми, стремясь распространить ее по мере возможности и на тех, кто прямо не принадлежит к данной группе, в пределе — на все общество.

В идеологии, следовательно, зафиксирована претензия класса или группы не только на всеобщность (научность) своего сознания и мышления, но и в силу этого на его столь же всеобщую обязательность для всех остальных членов общества, т. е. претензия на идейную, духовную власть данной группы или класса во всей общественной жизни. Поэтому идеологию и определяют обычно не только как «ложное», но и как «господствующее сознание», внутренне стремящееся к полной, абсолютной власти над чувствами, волей и представлениями своих соплеменников и сограждан.

Приватизация идеологии

Выраженная (явно или скрыто) в идеологии воля к власти становится особенно опасной, когда в обществе отсутствуют развитые правовые порядки и институты. В этом случае идеология и те, кто ее представляет, могут легко воспользоваться для своего самоутверждения орудиями и средствами политической и государственной власти. Идеологические расхождения и разногласия между людьми часто оборачиваются здесь острыми политическими конфликтами и столкновениями, вплоть до насильственных революционных переворотов, а борьба идей сопровождается, как правило, кровью и человеческими жертвами. Прямым следствием слабости правовых институтов является предельная политизация и радикализация идеологии, склонность идеологических противников к насильственным методам борьбы друг с другом. Идеология мыслит себя здесь в качестве политической власти, а политическая власть находит в идеологии условие и основание для своей легитимизации. Отсюда и представление об идеях как орудии политической борьбы классов, и стремление решать идеологические споры политическими методами.

В неправовом обществе идеологическая борьба получает свое логическое завершение в сражении идеологии с государственной властью, в возникновении так называемой официальной, или государственной, идеологии, в предельной идеологизации всей общественной и духовной жизни. Монополия на сознание со стороны государственной власти, наделяющей законными правами лишь идеологию правящего слоя или партии, завершает и одновременно идейно санкционирует монополию этого слоя на собственность, власть, культуру, на все жизненно важные проявления и функции общественного организма. Подобная государственная монополизация сознания есть показатель неправового характера самой власти. Держась на насилии и принуждении, она не может допустить никакого инакомыслия, никакой иной идеологии, кроме собственной. Но тем самым власть, придавая законные права лишь одной идеологии, реализует скрытую в последней тенденцию к господствующему положению в обществе. Государствование идеологии, как и

идеологизация государства, есть, пожалуй, наиболее характерный признак тоталитарной системы. Последняя завершает свое формирование, национализируя, ставя на службу и под контроль государства не только материальные ценности, но и сознание. Национализацию не надо путать с обобществлением. Национализация сознания (как и имущества) не превращает его в общественное (или, как у нас говорят, общенародное) достояние, а лишь доводит до логического конца господство правящего слоя в обществе, подчиняя групповому сознанию все общественное сознание в полном соответствии с известной формулой Маркса, согласно которой сознание господствующего класса и есть господствующее сознание.

Люди, считающие, что идеи сами по себе — без их признания общественным мнением, без согласия с ними большинства народа, без их победы на выборах и пр.— дают им право на власть в обществе, менее всего могут быть реформаторами и профессиональными политиками. Вера в правоту собственных идей становится для них главным доказательством верности самих этих идей, а значит, и их всеислия, всевластия. Такие люди, как правило, предпочитают бороться за торжество своих идей методами революционного насилия. Не все идеологи, возможно, были революционерами, но все революции направлялись и готовились идеологами. В России идейность и революционность всегда были синонимами, а революционеры в своем большинстве — от народников до социал-демократов — поставлялись той интеллигентской средой, которая разработку и пропаганду идей считала главным своим занятием. Н. Бердяев был прав, связывая характер русской революции с тем своеобразным явлением, которое в России называлось «интеллигенция». Последняя, по его словам, «была у нас идеологической, а не профессиональной и экономической группировкой, образовавшейся из разных социальных классов...»³. А когда такие люди приходят к власти, безоговорочная вера в собственную идеологию становится для них более важной характеристикой политического руководства, чем профессиональная пригодность и компетентность.

Мы и сейчас еще с трудом отличаем политику от идеологии, точнее, идеологизированную политику от той, которую можно было бы назвать профессиональной. Спросят, а разве бывает политика вне идеологии, разве мы не судим о политических партиях и их руководителях прежде всего по их идейным симпатиям и антипатиям? Нельзя, конечно, преуменьшать роль идеологии в политической жизни, ее значение для политической борьбы партий. Любой политик в силу собственных убеждений и принадлежности к своей партии примыкает, естественно, к определенной идеологии. Но разве только это делает его политиком? Если политиком является каждый, кто имеет идеологические убеждения, то заниматься политикой было бы самым простым и легким делом. Приверженность к определенной идеологии, как показывает практика, может вполне сочетаться с полной неспособностью к политической деятельности и тем более к политическому руководству. Но еще хуже, когда за чисто словесной приверженностью к идеологии скрываются идейная беспринципность, политические амбиции, своекорыстная воля к власти. Разве люди, создавшие у нас тоталитарную систему, отрицали на словах свободу и демократию? Под идеологическими знаменами любых цветов и направлений могут идти те, для кого высшей ценностью является сама власть безотносительно к какой-либо идеологии. Как же отличить политического экстремиста, скрывающего свои действительные намерения за идеологическими лозунгами, от профессионального политика?

Для этого в обществе и существуют гласность, демократия, правовые нормы и институты, которые позволяют за разными идеологическими вывесками разглядеть личность борющегося за власть человека, отличить профессиональную пригодность к политике от простого идеологического красноречия. Если испытываемая обществом правовая недостаточность делает как бы неразличимой дистанцию между словами и делами, между идеологическими лозунгами и политическими притязаниями отдельных партий и лиц, то правовые механизмы, отчетливо выявляя такую дистанцию, заполняют ее предвыборной борьбой между партиями, гласным сопер-

³ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990, с. 17.

ничеством между конкурирующими идеями, широким обсуждением предлагаемых обществу программ, наконец, просто демонстрацией личного и гражданского поведения претендентов на власть. Ведь в правовом обществе за власть борются не классы, а партии, часто единые по своему классовому составу (например демократы и республиканцы в США), а также представляющие эти партии конкретные люди, чьи деловые, гражданские и личные качества имеют здесь не меньшее значение, чем их идеологические пристрастия.

Политический профессионализм помимо всего прочего зависит от умения считаться не только со своими, но и с чужими идеями, находить между ними компромисс, вступать в диалог со своими политическими противниками, а иногда поступаться принципами во имя достижения общего согласия и примирения. Гибкость, прагматизм, трезвый расчет, реалистический подход к ситуации, свободный от утопизма и идеологической предвзятости, отличают политического профессионала от того твердокаменного или твердолобого политика, для которого излюбленные им идеи важнее и дороже живых людей. И уж в любом случае профессиональный политик — тот, кто умеет добиваться политической власти законными, т. е. правовыми средствами, кто основывает свою власть на обязательных для всех законах, а не на давлении, идущем снизу или из таинственных глубин кабинетов и ведомств. Можно сказать, что закрытости, жесткости и непримиримости различных идеологий противостоит открытость и готовность к компромиссу профессиональной политики, опасаящейся втягивать в сферу идеологических споров государственную власть, что всегда чревато социальными потрясениями и гражданскими конфликтами. Речь идет не о деидеологизации политической борьбы партий, что вообще невозможно, поскольку каждая из них борется за власть под флагом своих идей, а о создании правового пространства между партиями и властью, между партийной идеологией и государством, благодаря которому общество способно защитить себя от нежелательных последствий политических и идеологических противостояний.

Отделение идеологии — любой идеологии — от государства становится воз-

можным в условиях правовой системы, защищающей права каждого человека, независимо от его социального положения и принадлежности к политическим партиям и идеологическим течениям. Государство как бы становится над партиями и идеологиями, лишая их тем самым необходимости бороться за свои интересы насильственными методами и средствами. Верующие и неверующие, либералы и консерваторы, коммунисты и демократы находят в нем свою поддержку и опору, если, разумеется, не ставят перед собой задачу его насильственного низвержения в обход действующей конституции и правовых норм, обеспечивающих легитимность власти. Единственной альтернативой идеологизированному государству и огосударственной идеологии является, следовательно, деидеологизированное государство и разгосударственная, можно сказать, приватизированная, идеология.

Понятно, что переход к правовой демократии требует отказа от одной из наиболее распространенных идеологических догм марксизма — учения о классовой природе государства. Право не действует там, где на политическую власть претендует лишь один класс, одна идеология. Не потому ли Маркс и Ленин понимали право только как «буржуазное право», предполагая, что на смену ему в новом обществе приходит коммунистическая идеология, «революционное понимание законности»? Идеология вместо права — таков конечный результат идеологической борьбы в неправовом обществе.

Каковы же реальные последствия процесса, названного нами приватизацией идеологии? Ясно, что политические идеологии сохраняются и в этом случае (как сохраняются и политические партии), однако они все более теряют свой непримиримый, революционный характер, все более обретают реформистскую направленность, что видно на примере даже такой воинствующей идеологии, как коммунистическая, которая в западных странах давно утратила свой революционный пыл. Между различными идеологиями — при всех их расхождениях — обнаруживаются и черты сходства, совпадения, обусловленные наличием у разных партий конституционного согласия (правового консенсуса) относительно государственного строя и действующих в нем законов. Лишь приватизация идеологии соз-

дает условия для успешного функционирования многопартийной системы и ведения в ее рамках политической борьбы, не переходящей в гражданскую войну.

Итак, оценка идеологии как знания должна быть дополнена ее оценкой как власти. Если социальная наука позволяет разоблачить несостоятельность теоретической претензии идеологии на всеобщее знание, на обладание всей полнотой социальной истины, то правовое общество служит надежной защитой от ее стремления к тотальному господству над сознанием людей, от ее сращивания с государственной властью.

Подобная защита не предполагает ни запрета на идеологию, ни ее политического преследования, что ведет лишь к новому насилию. Наука и правовое общество не должны и не могут ставить перед собой цель полной ликвидации идеологии, да это и не в их силах. Сегодня мы хорошо знаем, к чему это приводит на практике: союз невежественного атеизма, выдаваемого за научный, с государственным преследованием верующих у всех на памяти. Подобного рода цели лишь дискредитируют науку и превращают право в несправие. Но отсюда, в свою очередь, не следует, что наука в союзе с правом должна занимать по отношению к идеологии нейтральную позицию, уклоняясь от борьбы с ее притязаниями на всеобщее знание и власть. Идеология, особенно политическая, в любом обществе опасна не сама по себе, а своими теоретическими иллюзиями и властными амбициями. С ними и призвана бороться наука и правовое общество. Там, где они выполняют эти функции, идеология не подменяет их собой и не подминает под себя, а занимает то место в политической и духовной жизни, которое ей и подобает как всего лишь групповому сознанию. Но вместе с тем только в правовом обществе обнаруживаются, впервые дают знать о себе и такие свойства идеологии, которые заставляют во многом по-новому оценить ее возможности и роль в жизни людей.

Идеология символов

Может ли идеология в принципе отказаться от своих научных и политических притязаний? Очевидно, это возможно лишь в обществе, где права и свободы от-

дельной личности ценятся выше, чем ее групповые привязанности и классовое происхождение (не говоря уже о национальной принадлежности). Здесь выбор идеологии становится менее зависимым от неподконтрольных индивиду сил и отношений и более — от него самого, от его индивидуальных предпочтений, вкусов и ожиданий, его личных—нравственных, религиозных, культурных — установок и ориентации. Захочет ли индивид воспользоваться своим правом на свободный идеологический выбор или предпочтет идти проторенным путем, привычно присоединяясь к мнениям и взглядам своей социальной группы,— это его дело, но такая возможность ему должна быть дана. Как показывает практика развитых демократических стран, наличие подобной возможности приводит большинство людей не к отказу от свободного идеологического выбора, а, наоборот, к расширению его границ, к значительно большему плюрализму и многообразию идейных течений и движений, к ослаблению зависимости этих движений от распределения людей по социальным и национальным группам. Взаимоотношение идеологии с наукой и властью здесь меняется радикальным образом.

Прежде всего, идеология в этих условиях утрачивает свою однозначную привязанность к определенной социальной группе или классу. Даже сторонники одной и той же политической идеологии — либеральной, консервативной или социалистической — могут принадлежать здесь к различным слоям, группам и классам общества. К какой идеологии, например, примыкают сегодня рабочие в западных странах, придерживающиеся в своем большинстве самых разных убеждений и взглядов? Не только представители одного класса выступают в наше время в защиту демократии или с позиций либерализма. Да и социалистами становятся сегодня не только лишь выходцы из неимущих и угнетенных слоев общества. Свойственная нам привычка за каждым идеологическим движением искать определенную социальную силу — если не весь класс, то хотя бы какую-то его часть,— мешает сегодня ориентироваться в сложном переплетении многочисленных идейных течений и направлений.

Традиционная классификация идеологий по их политической ориентации и клас-

совому происхождению в наше время уже не соответствует всему многообразию функционирующих в обществе идей. Средством идеологической интеграции людей становятся сегодня идеи, которые могут и не иметь четко выраженной политической и классовой окраски,— защита окружающей среды, борьба за мир, религиозные и культурные ценности, эстетические предпочтения, любовь к животным и еще многое другое. По существу, любой общественно значимый интерес может «создавать» идеологию, вербуя на свою сторону большее или меньшее число сторонников. Похоже, не только классы создают идеологию, но и идеи создают свои «классы», свои группировки и объединения, свой круг единомышленников.

Как правило, эти идеи обращены не к отдельной группе с ее жесткой социальной, этнической или профессиональной стратификацией, а к некоторой массе людей, образуемой общностью их индивидуальных стремлений, целей и интересов независимо от их классового или национального происхождения. Из феномена классового или группового сознания идеология становится феноменом «массового сознания» в том значении этого понятия, какое он имеет в современной социологической литературе. Массовая идеология, в отличие от групповой, направлена не столько на выработку рациональных типов знания, выражающих социальные и политические притязания данной группы, сколько на производство символов, образов и значений (массовой культуры), придающих жизни индивидов в обществе некоторую оправданность и осмысленность. Она озабочена не столько знанием, сколько смыслом, который и пытается внести в человеческую жизнь. В какой-то мере она носит более мифотворческий, чем теоретический, наукообразный характер. В ней, следовательно, представлены в первую очередь не интересы классов и групп в их безразличии к индивидуальному бытию человека, а глубоко личные, можно сказать экзистенциальные, запросы и потребности людей, заставляющие их искать друг друга и объединяться в более или менее устойчивые общности.

Под идеологией в связи с этим следует понимать любое идейное образование, способное объединить, сплотить вокруг себя определенное число сторонников,

как бы их ни называть — партией, общественным движением, неформальным объединением или просто кружком единомышленников. Такие идеологические образования не надо смешивать с массовыми чувствами и настроениями людей, стихийно возникающими под воздействием, например, слухов, митинговых страстей, зрительских и читательских эмоций и пр. Не все, что мы обнаруживаем в массовом сознании, можно отнести к массовой идеологии. Нельзя, например, ставить на один уровень движение за мир или за экологическую безопасность с чувствами футбольных или эстрадных фанатов. Если в первом речь идет об идее, сознательно объединяющей людей в массовую организацию или движение, то во втором — о стихийной реакции (или психозе) никак не организованной аудитории на конкретное событие в общественной или культурной жизни. Здесь различие не столько количественное, сколько качественное, обусловленное различием между психологией масс и их идеологией.

Я не придерживаюсь широко распространенного в нашей литературе негативного отношения к массовому обществу (сознанию, культуре) и полагаю, что на пути к «свободе каждого» оно является шагом вперед по сравнению с обществами кастовыми, сословными или классовыми. Коль скоро массовизация общества есть неизбежное следствие современной цивилизации, не следует относиться к этому процессу с элитарным пренебрежением и высокомерием; не масса сама по себе хороша или плоха, а качество массы, определяемое уровнем духовного и культурного развития образующих ее индивидов. Плохо, конечно, когда речь идет о массовой преступности или о массовой идеологии потребительства, но чем плохо, например, массовый интерес к культуре прошлого или к событиям современной духовной жизни? Масса реагирует на такие быстротечные факторы культурной повседневности, как мода, реклама, популярность или престижность в общественном мнении, но она же может быть и сознательной, сплоченной, одухотворенной, устремленной к достаточно высоким идеалам и целям. Массовость того или иного движения, организации, мнения или настроения служит большей частью критерием не негативной, а позитивной оценки данного явления.

Но главное даже не в этом. Группы,

в которые сознательно объединяются массы в отличие от классов, сословий, профессий и т. д., являются следствием уже не вынужденного, а добровольного согласия людей, результатом их свободного индивидуального выбора. Такие группы, как правило, не претендуют на монопольную политическую власть в обществе, действуя по преимуществу средствами не принуждения, а убеждения. Но это означает, что свои взгляды, мысли, представления эти группы уже не выдают за мысли и представления всего общества, не пытаются изобразить их в качестве всеобщего сознания, обязательного для каждого. Тем самым разграничение идеологии и науки, вненаучного и научного сознания получает здесь окончательное завершение: они как бы полностью эмансипируются друг от друга. Попытки выдать свои групповые идейные предпочтения за науку как и противоположное стремление поставить науку на службу какой-то отдельной группе или слою людей не встречаются сегодня в общественном сознании ни поддержки, ни признания.

Ориентация на науку не является главной отличительной чертой современных идеологий. Их менее всего волнует забота о собственной научности. Они, скорее, ориентированы на такие сферы человеческого духа, как религия, мораль, искусство, обыденные формы сознания, которые намного ближе к повседневным заботам и нуждам людей, к чисто личностным аспектам их существования в обществе, к индивидуально неповторимым особенностям их внутренней жизни. В отличие от абстрактно-общих интересов группы, интересы отдельной личности требуют иных, чем теоретиче-

ские, средств для своего выявления и символизации. Явно возросший сегодня в обществе массовый интерес к донаучному опыту прошлых веков, к различным видам мифотворчества, к ценностям традиционной культуры, к религиозным святыням разных народов, нравственным устоям человеческого поведения и сознания достаточно убедительно подтверждает именно такую направленность в развитии современной идеологии.

Отказ от классовости идеологии, от ее жесткой закреплённости за определенной социальной группой влечет за собой, как мы видим, и отказ от ее претензии на научность. В конечном счете за этим стоит более важный процесс — расширение границ индивидуальной свободы в сфере сознания и мысли, фокусирование общественного внимания на духовных запросах различных групп людей, перенесение идеологического интереса с внешней на внутреннюю жизнь человека в современном обществе. Пока наука не в состоянии дать ответ на эти запросы, идеология будет вынуждена искать его собственными средствами и в отличных от науки направлениях. И важно то, что она это уже делает. Вопрос, который я оставляю открытым, состоит лишь в том, сможет ли когда-нибудь наука стать для человека не только всеобщим знанием, но и индивидуальным сознанием, раскрывающим ему смысл его собственной жизни и личного призвания. Если да, тогда отпадет и необходимость в разграничении идеологии и науки, если же нет, то ценность идеологии в глазах людей будет не меньшей, а в чем-то, может быть, даже и большей, чем ценность научного познания.

© В. Межуев, 1991